

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. **Н. В. Дулина**
г. Волгоград, Россия

© 2017 г. **Е. В. Каргаполова**
г. Астрахань, Россия

© 2017 г. **М. А. Симоненко**
г. Астрахань, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Объектом междисциплинарного исследования стал прецедентный текст художественной литературы, инкорпорированный в коллективный культурный лексикон студенческой молодежи. Интеграция исследовательских приемов социологии и лингвистики позволила выделить корпус прецедентных текстов, значимых для молодых читателей в культурно-познавательном аспекте, выявить жанровые предпочтения и определить актуальность прецедентных текстов в ценностном и эмоционально-оценочном аспектах. Результаты социологического опроса свидетельствуют о наличии большого количества прецедентных текстов в общей «текстотеке» произведений, популярных в студенческой среде, при этом корпус отличается фрагментарностью, размытостью границ между ядром, периферией и непрецедентными текстами, в связи с чем можно констатировать неустойчивость и недооформленность единой базы прецедентных текстов в коллективной памяти читающей молодежи. В развернутых вербальных ответах респондентов относительно эмоционального воздействия того или иного текста проявляется амбивалентность коллективных оценок. В процессе лингвистического анализа выявлено, что для части таких ответов характерны унификация оценочной шкалы, стереотипность в общей тональности размышлений вне зависимости от произведения, значительная же часть ответов демонстрирует большую вариативность в выборе средств вербализации эмоционально-оценочных переживаний.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, художественная литература, студенчество, культурная память, социология, лингвистика, социологический опрос.

Информация об авторах:

Надежда Васильевна Дулина — доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет, пр. им. Ленина, д. 28, 400005 г. Волгоград, Россия. E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, Астраханский архитектурно-строительный университет, ул. Татищева, д. 18, 414056 г. Астрахань, Россия. E-mail: k474671@list.ru

Марина Александровна Симоненко — кандидат филологических наук, Астраханский архитектурно-строительный университет, ул. Татищева, д. 18, 414056 г. Астрахань, Россия. E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.11.2016

Дата публикации: 15.09.2017

Прецедентность как феномен культуры в широком понимании оказывается в фокусе внимания разных гуманитарных наук, каждая из которых, пользуясь собственным научным инструментарием и исследовательскими приемами, высвечивает ее определенные свойства. Взгляд на природу прецедентности с позиции социологии и лингвистики позволяет сосредоточиться на нескольких аспектах, в частности, на способности прецедентных феноменов (далее — ПФ) фиксировать и транслировать культурно значимые смыслы и тем самым участвовать в социализации молодого поколения, а также на процессах восприятия и интерпретации ПФ в дискурсе языковой личности. Объединение разных исследовательских подходов призвано способствовать в поиске ответов на вопросы о том, *какие* прецедентные тексты (далее — ПТ) художественной литературы входят в число наиболее значимых для определенной социальной группы (в нашей работе это студенческая молодежь) и *как* ПТ функционируют в речи носителя национального языка и вместе с ним определенного национального культурного кода.

Согласно ставшему классическим и многократно процитированному определению ПТ, это текст, «1) значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, <...>3) обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Список свойств и характеристик ПТ можно продолжить, обращаясь к другим исследователям прецедентности: «ПТ — это (поли)предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6, с. 64]; «ПТ — это феномен скорее когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранится в сознании носителей языка в виде инварианта восприятия, <...> а обращение к нему происходит через его символы, в роли которых обычно выступают прецедентные имена и прецедентные высказывания» [10, с. 152]; прецеденты, в их числе и ПТ, «выполняют роль “культурных скреп”, сцепляющих отдельные культурные пласты <...> в единую систему и <...> отражают ценностные представления об окружающей действительности, <...> нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества» [9, с. 20]. Основными дифференцирующими признаками ПТ, таким образом, являются его способность формировать коллективный концепт, что автоматически включает ПТ в систему ценностей определенного лингвокультурного сообщества, перманентная возобновляемость в дискурсе, наличие символов и атрибутов, включая вербальные ПФ, которые отсылают к хранимому в памяти инварианту ПТ и активируют его в ситуации актуального общения в точке «здесь-и-сейчас». Под прецедентным текстом в нашей работе понимается законченный самостоятельный продукт речемыслительной деятельности, характеризующийся связностью и цельностью,

фиксирующий инвариантные коллективные смыслы культуры и многократно воспроизводимый в дискурсе через связанные с этим текстом высказывания и символы.

В качестве объекта исследования был избран ПТ художественной литературы. На наш взгляд, классификация ПТ по их источнику позволяет проследить степень влияния социальных институтов, таких как образование, религия, искусство, на формирование и становление личности. В феврале 2016 г. нами было проведено конкретное социологическое исследование «Круг чтения художественной литературы учащихся Нижнего Поволжья» методом анкетирования (разработчики инструментария — доктор социологических наук, профессор кафедры «Философия, социология и лингвистика» Астраханского государственного архитектурно-строительного университета Е. В. Каргаполова и доктор социологических наук, профессор кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета Н. В. Дулина). Опрошена студенческая молодежь Астраханского государственного архитектурно-строительного университета и Волгоградского государственного технического университета очного и заочного отделений. Общее число опрошенных составило 815 человек, среди которых 53,2% юношей и 46,8% девушек; подавляющее большинство (78,2%) в выборке — представители технических специальностей, 11% — представители социально-экономической специализации, 2,6% — гуманитарии, 1,3% — представители естественнонаучной специализации и 6,9% не указали свою специализацию. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса «Vortex».

По итогам социологического исследования были установлены ПТ, входящие в когнитивную базу современного студента. Лингвистический анализ вербальных ответов (однословных и развернутых) позволил определить актуальность ПТ в ценностном и эмоционально-оценочном аспектах для молодых читателей.

В рамках социологического опроса респондентам было предложено назвать свое любимое произведение. Количественный состав ПТ, выявленных в общей базе «любимых произведений», указывает на значительную раздробленность, неоднородность корпуса ПТ, функционирующих в коллективном культурном тезаурусе студенческой молодежи. Обратим внимание на тот факт, что только 611 респондентов назвали свое любимое произведение художественной литературы. Иначе говоря, примерно каждый четвертый опрошенный студент не смог назвать любимое произведение или же такового просто не имеется. Те же, кто ответил, сформировали список литературных предпочтений из 245(!) наименований. Из них большинство (160) составляют тексты, названные одним или двумя респондентами.

Среди этих произведений находим ПТ, образцы мировой классики — как зарубежной, так и отечественной. Среди зарубежных — «Божественная комедия» Д. Алигьери, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрена, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, а также произведения, которые обрели особую известность благодаря экранизациям, — «Унесенные ветром» М. Митчелл, «Крестный отец» М. Пьюзо.

Один или два респондента выбирают в качестве любимого произведения отечественных авторов ПТ «золотого» и «серебряного» веков русской культуры: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Дубровский» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Гроза» А. Н. Островского. Такая же ситуация наблюдается с произведениями советской литературы: «На дне» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева.

Следующий список составлен из ПТ, названных «любимыми» чуть большим количеством опрошенных (от трех до шести респондентов): «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1,2%), «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери (1%), «Горе от ума» А. С. Грибоедова (0,8%), «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда (0,8%), «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя (0,7%), «Отцы и дети» и «Муму» И. А. Тургенева (1,2% и 0,8%), «Вишневый сад» А. П. Чехова (0,5%).

Таким образом, общая картина «любимых произведений» молодых читателей отличается большой пестротой, диффузностью, фрагментарностью, в связи с чем не представляется возможным разграничить центр и периферию в общем корпусе выявленных ПТ. Доля самых популярных ПТ в коллективной базе «любимых произведений» невелика: роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», лидер нашего опроса по популярности, набирает всего лишь 13,2% от количества ответивших, 6% респондентов назвали роман Л. Н. Толстого «Война и мир», 5,5% студентов любимым текстом считают «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. На периферии литературных предпочтений оказались ПТ, апеллирующие как к национальным концептам — «Евгений Онегин» (3%), «Герой нашего времени» (2,4%), «Капитанская дочка» (1,9%), «Собачье сердце» (1,9%), «Мертвые души» (2,2%), так и к концептам, которые можно отнести к числу межнациональных: «Гарри Поттер» (2,6%), «Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона» (2,4%) (см. рис. 1).

Рисунок 1 — Любимые произведения художественной литературы у студенчества Астрахани и Волгограда (% от опрошенных)
Favorite works of fiction from students of Astrakhan and Volgograd

Итак, в общем корпусе любимых произведений обнаруживается большое количество ПТ, однако только незначительная их часть входит в коллективную «базу данных». Уточним, что понятия «любимое произведение» и «прецедентный текст» в нашем исследовании не отождествляются, хотя мы предполагаем, что между ними имеется определенная корреляция. Вопрос о любимом произведении активирует ресурсы памяти, поиск имени любимого произведения осуществляется в индивидуальной «текстотеке», где хранятся знания и представления о разных текстах, которые когда-либо попадали в фокус внимания респондента. Как правило, итогом такого поиска (по результатам нашего исследования) становится выведение на «табло сознания» (термин А. А. Залевской) ПТ, поскольку такой текст обладает хрестоматийностью, т. е. хорошо знаком всем представителям лингвокультурного сообщества, ПТ постоянно функционирует в дискурсе через связанные с ним прецедентные имена и высказывания, и, наконец, ПТ имеет множество форм материального воплощения (вербальный текст может быть переложен на язык кино или театрального искусства).

О неустойчивости фонда прецедентных текстов свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что в ряду любимых художественных произведений достаточно часто молодыми людьми называются произведения детской литературы: «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрена, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. То есть, называя любимые произведения, молодые люди апеллируют к своему прошлому опыту, и не совсем ясно, сохраняют ли произведения детской литературы свою актуальность в настоящем. Следует уточнить, что данные тексты, являясь прецедентными по всем названным выше параметрам, общеизвестны, реинтранслируемы (переложены на язык кино и анимации), маркированы в дискурсе посредством специфических активаторов, вербальных ПФ — не входят, однако, в корпус ПТ, значимых для большинства наших респондентов.

В рамках социологического исследования респондентам предлагалось дать собственную оценку любимому произведению и описать чувства и эмоции, возникшие после прочтения книги. Полученные ответы — однословные и развернутые — представляют определенный интерес для лингвистического анализа. Мы отобрали четыре ПТ, которые, по данным опроса, пользуются наибольшей популярностью у молодых читателей — это «Мастер и Маргарита», «Война и мир», «Преступление и наказание» и «Евгений Онегин». Ответы респондентов по поводу их эмоциональных переживаний после прочтения любимого произведения можно условно считать вербальными реакциями на стимул — имя соответствующей книги, только эти реакции контролируемые, направленные, так как была дана установка на рефлексию относительно одного из аспектов восприятия текста, его ценностной, эмоциональной составляющей.

Универсальными, повторяющимися вне зависимости от произведения можно назвать ответы типа: *Я испытывал(а) удовлетворение / восторг / восхищение / удовольствие / наслаждение*. Подобные реакции можно встретить у тех, кто считает любимым произведением «Мастера и Маргариту» и у поклонников «Преступления и наказания». Намеренная унификация оценочной шкалы, автоматизация ответов не позволяет проследить ассоциативные связи с самим ПТ, свидетельствует об отстраненности респондента, нежелании или неспособности реконструировать глубинные смыслы ПТ. Возможно, определенный вектор ответов был обусловлен содержанием вопроса «Какие чувства Вы испытали после прочтения Вашего любимого произведения?»

Развернутые ответы представляют собой продукты вербализации инвариантных смыслов ПТ, который хранится в сознании в «сжатом», редуцированном виде. Так, «Мастер и Маргарита» активизирует ценностные представления, связанные с восприятием и оценкой мистицизма: *восторг от того, что нас посвящают в таинственный мир мистицизма. Страх и желание узнать больше, чем положено; мистические и таинственные ощущения от жизни; мистические (чувства), добра и зла: интерес к теме добра и зла, неоднозначность этого выбора.* Рефлексии по поводу «Войны и мира», «Преступления и наказания» и «Евгения Онегина» содержат апелляции к нравственному долгу, ответственности за других людей: *(книга) учит цельности во всех проявлениях жизни, верности единому нравственному чувству («Война и мир»); беспокойство за окружающий мир; глубокие размышления над каждой мелочью этого мира («Преступление и наказание»); ответственность любовных отношений («Евгений Онегин»).*

Важной аксиологической характеристикой текста, показателем его прецедентности, по данным нашего исследования, является потенциальная способность текста побуждать к размышлениям как над внутритекстовой проблематикой (сюжет, судьбы героев), так и внетекстовыми реалиями (вопросы общегуманитарной направленности): например, *книга вызвала очень много чувств. Трудно смириться с тем, что человек может быть настолько разным, совершать настолько разные поступки, трудно проникнуться к нему доверием; я чувствую, что есть много вещей, которые я не знаю («Война и мир»); удивляюсь актуальности произведения во все времена, задумываюсь над поставленными проблемами («Мастер и Маргарита»); книга перевернула мое сознание, проявила интерес к чтению других произведений; глубокие размышления; глубокие рассуждения («Преступление и наказание»).*

Как совершенно точно подметил Г. Г. Слышкин, «за каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителя языка» [13, с. 47]. В ответах наших респондентов данный тезис реализуется через систему вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов, отсылающих к концепту ПТ: *чувство наслаждения, так как Мастер приобрел покой; чувство легкой эйфории, когда главная героиня Маргарита превращается в ведьму и летит над ночным городом; чувство веры в Иешу Га Ноцири (он же Иисус Христос) и чувство радости за влюбленных («Мастер и Маргарита»); я ощущаю себя в XVIII в., на светском салоне («Война и мир»).* Следует отметить, что подобные ответы, устанавливающие прямую ассоциативную связь с ПТ, малочисленны. Мы склонны объяснять это узкой формулировкой вопроса анкеты, смещающего фокус внимания на чувственное восприятие ПТ, дающего установку на рассуждения о ценностном отношении к тексту, о его эмоциональном фоне, т. е. вопросом заранее программируются размышления в том аспекте ПТ, который наиболее подвержен влиянию индивидуального (в противоположность коллективному) опыта.

Напомним, что в сознании языковой личности ПТ хранится в виде инварианта восприятия, «в виде концепта, <...> сжатого представления, включающего его название, автора, сюжет, персонажей, <...> наиболее яркие детали, крылатые слова и отношение ко всему перечисленному» [14, с. 43]. Иными словами, концепт ПТ включает три составляющих — образное представление об объекте — прецедентном тексте, энциклопедические знания, ценностное отношение к тексту и через него к внетекстовой действительности. Ценностный компонент, предполагающий эмоциональную оценку со стороны интерпретатора, стимулирует множественные вариативные вербальные ре-

акции в дискурсе языковой личности, поскольку «именно в эмоциональном опыте рождаются личностные смыслы» [16, с. 46].

В ответах респондентов обнаруживается большое количество лексем, обозначающих разные эмоции и переживания, порой диаметрально противоположные, хотя они относятся к одному ПТ: *сожаление, боль, горечь, переживание; светлые чувства; гордость, печаль, умиротворение; чувство страха («Война и мир»); благоговение, необыкновенный душевный подъем; наслаждение, удовлетворение, радость, любопытство; восхищение, сочувствие, переживание; сострадание, уверенность, жалость, чувство справедливости; смятение, презрение; горечь, благоговение («Мастер и Маргарита»); отличные, позитивные чувства; горечь, надежду на лучшее в судьбе героев, жалость к некоторым из героев; чувство опустошения; душевное обогащение. Слезы счастья («Преступление и наказание»); сострадание и жалость к герою; наслаждение, радость; восторг, изумление и восхищение женской силой; счастье, удивление («Евгений Онегин»)*. В ПТ по умолчанию аккумулируются знания и ценности, разделяемые в определенном лингвокультурном сообществе. Однако в процессе социализации каждый отдельный представитель этого сообщества, «присваивая» коллективные знания, модифицирует их, исходя из личного опыта, и формирует собственную индивидуальную когнитивную базу, в контексте которой он пользуется известными ему прецедентными феноменами. Свойства индивидуального знания, в котором сосуществуют два типа знаний — коллективное и личностное, объясняют разнообразие эмоциональных реакций на прецедентные тексты — от вполне прогнозируемых («гордость», «умиротворение» о «Войне и мире») до неожиданных («отличные, позитивные чувства», «слезы счастья» о «Преступлении и наказании»). Большое количество противоречивых, а порой и взаимоисключающих оценок может также указывать на сложности формирования коллективных смыслов соответствующих ПТ у студенческой молодежи.

ПТ служит хранилищем культурно значимых смыслов, ПТ — это своеобразная «свернутая ассоциативная цепочка» [12, с. 27], которая активизируется в дискурсе, в результате чего происходит декодирование, восстановление скрытых смыслов с опорой на индивидуальный опыт, в котором обязательно присутствует и коллективное, разделяемое представление о ПТ. Ю. Н. Караулов подчеркивает, что «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [4, с. 216]. Самые частотные эмоциональные реакции на ПТ в нашем исследовании вербализованы лексемами «наслаждение», «восторг», «удовольствие», «радость», «горечь», «жалость», «сочувствие», «сострадание». Все они соотносятся с культурными ценностями и со стереотипными представлениями о психоэмоциональном воздействии художественного текста.

Ю. Н. Караулов включает в число ПТ произведения русской, советской и мировой классики, а также фольклорные тексты [4], Ю. Е. Прохоров расширяет список и вводит в него также тексты песен, рекламы, политические и публицистические тексты [10]. Примечательно, что участники нашего опроса к любимым произведениям художественной литературы причисляют тексты, которые к художественной литературе имеют либо косвенное отношение (например, назван фильм «Сталкер»), либо никакого отношения (религиозная книга «Коран»), однако они в полной мере соответствуют представлениям о ПТ. Поэтому с учетом динамичности и транспарентности базы прецедентных текстов некоторые тезисы теории прецедентности сегодня подвергаются пересмотру, например, Г. Г. Слышкин предлагает включить в число прецедентных

«тексты для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы), <...> а также тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок (рекламный ролик, анекдот)» [13, с. 28].

Среди ПТ, выявленных в общей базе «любимых произведений», находим тексты разных жанров: психологический роман («Преступление и наказание»), роман-эпопея («Война и мир»), детектив («Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона»), фэнтези («Гарри Поттер»). Следует отметить, что по результатам опроса произведения классической литературы существенно уступают фантастике и фэнтези (49,1% против 73% по сумме ответов соответственно) в структуре читательских предпочтений жанров художественной литературы. На наш взгляд, виртуализация бытия, которая в первую очередь влияет на систему ценностных ориентаций, мотивацию деятельности именно молодых людей [2; 3; 5; 8] и сопровождается «бумом нечеловеческих существ в фантазийно ориентированных кино и литературе» [7, с. 25], породила увлечение молодежи такими жанрами литературы, как фантастика и фэнтези.

Следует уточнить, что социологический опрос выявил существенное противоречие в ответах респондентов: выбирая любимый жанр, большинство отдают предпочтение фэнтези и фантастике, однако исключают такие тексты из списка своих любимых произведений. Так, ПТ «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона» А. Конан Дойля оказываются на дальней периферии коллективного фонда ПТ (по данным нашего исследования).

Первые позиции в списке литературных «хитов» занимают тексты классической литературы, хотя лидерство среди «любимых» произведений художественной литературы с большим отрывом от других произведений мировой классики — у романа «Мастер и Маргарита», сочетающего в себе «полифонию» жанров; чтение такого текста, как показывает лингвистический анализ развернутых вербальных ответов, активирует не столько проблематику общегуманитарной направленности, сколько ценностные представления, связанные с восприятием и оценкой мистицизма.

Большой разброс литературных предпочтений, невозможность идентифицировать единый коллективный фонд прецедентных текстов в среде читающей молодежи (по итогам нашего исследования) мы связываем с воздействием социокультурных факторов и процессов. К числу этих факторов можно отнести влияние идеологического контекста и специфику социализации.

По мнению В. Е. Семенова, у большинства современных молодых людей формируется «мозаично-эклетикий псевдоменталит, то есть отсутствие какой-либо более или менее четкой логичной картины мира, системы мировоззрения, явные противоречия в сознании» [11, с. 23]. Этот вывод подтверждается автором эмпирическими социологическими и социально-психологическими исследованиями молодежи, проведенными НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ в 1999–2006 гг. в Петербурге, Ленинградской области и других регионах.

Состояние современной российской молодежи очень точно, на наш взгляд, передает фраза «класс в себе». Эта характеристика отражает такой аспект ее существования, как отсутствие единства в культурном и духовном смысле, что зачастую приводит к возникновению взаимоисключающих моделей поведения [1]. С. Н. Шелепова подчеркивает, что «молодежные когорты отличаются по жизненным ценностям (ценности подвижны, хаотичны, не имеют единого вектора становления и развития) и направленности жизненных ориентаций (равнозначность по силе, но противоположность по сути: «цели-средства» — «цели-ценности»; социальный оптимизм — неуверенность

в завтрашнем дне; стремление к пониманию, взаимопомощи, любви — прагматизм; предприимчивость — пассивность); степени и характеру реальной и потенциальной социальной активности их представителей» [17, с. 21]. Это, на наш взгляд, приводит к когнитивно-ценностному диссонансу, что отражается и на фрагментарности, дробности базы ПТ в молодежной среде.

Из результатов опроса следует, что современное студенчество знакомо с произведениями отечественной классики художественной литературы не понаслышке. Так, полный текст соответствующего произведения читали: «Сказка о рыбаке и рыбке» — 80,2% опрошенных, «Му-му» — 71,4%, «Мертвые души» — 63,7%, «Преступление и наказание» — 61,8%, «Капитанская дочка» — 61,5%, «Евгений Онегин» — 60,4%, «Горе от ума» — 59%, «Ревизор» — 57,2%, «Герой нашего времени» — 56,9%, «Отцы и дети» и «Мастер и Маргарита» — по 54,6%, «Собачье сердце» — 51,2%, «Война и мир» — 42,6% респондентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что существует достаточно большая когорта молодежи, читающая произведения классической художественной литературы и сохраняющая традиции книжной культуры. При этом только часть из названных ПТ входит в коллективную «текстотеку» любимых произведений и формирует базу ПТ, популярных среди читающей молодежи (по результатам нашего исследования).

Таким образом, корпус ПТ, выявленных в социологическом опросе, демонстрирует размытость границ между ядром, периферией и беспрецедентными текстами, фрагментарность прецедентной базы современной молодежи. Л. Ю. Федорова также отмечает наличие социокультурных лакун в области прецедентных феноменов у студенческой молодежи [15]. Лингвистический анализ развернутых ответов указывает, с одной стороны, на вариативность мнений и оценок: респонденты по-разному вербализуют собственные эмоции относительно одного и того же ПТ, иногда в ответах содержатся взаимоисключающие оценки, что, на наш взгляд, свидетельствует о дробности, фрагментарности интериоризации ПТ студенческой аудиторией. С другой стороны, часть ответов демонстрирует стереотипность восприятия ПТ, что может трактоваться в пользу прецедентности этих текстов, так как инвариант восприятия ПТ отражает общие свойства: «инвариант учитывает <...> минимум необходимых системообразующих признаков» [18, с. 37–38]. Шаблонность ответов можно также объяснить слабой мотивированностью ПТ для молодого читателя, недостаточной сформированностью прецедентной базы, трудностями при поиске и фиксации ассоциативных связей между именем ПТ и хранимыми в памяти знаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гуляихин В. Н. Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9698.html (дата обращения: 13.08.2016).
- 2 Дулина Н. В., Каргаполов С. В. Интернет-культура и идентификационные практики личности // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Саратов: Саратовский источник, 2015. С. 30–33.
- 3 Дулина Н. В., Каргаполов С. В. Концепт электронной культуры в современном социально-гуманитарном знании // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2015. Вып. 20. № 10 (174). С. 35–39.

- 4 *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
- 5 *Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В.* Электронная культура в современном социокультурном пространстве // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 475–480.
- 6 *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В.* и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1997. Серия 9. № 3. С. 62–75.
- 7 *Мальшиев В. Б.* Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 33 с.
- 8 *Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, С. В. Каргаполов; под общ. ред. Н. В. Дулиной.* Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2016. 175 с.
- 9 *Назарова Р. З., Золотарев М. В.* Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во СГУ, 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 17–23.
- 10 *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
- 11 *Семенов В. Е.* Проблемы воспитания российской молодежи и средства массовой информации // Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, средства массовой информации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 23–33.
- 12 *Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В.* и др. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–33.
- 13 *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- 14 *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- 15 *Федорова Л. Ю.* Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2008. 22 с.
- 16 *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
- 17 *Шелепова С. Н.* Социологический анализ молодежных когорт в региональной социокультурной реальности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2012. 25 с.
- 18 *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

© 2017. Nadezhda V. Dulina
Volgograd, Russia

© 2017. Ekaterina V. Kargapolova
Astrakhan, Russia

© 2017. Marina A. Simonenko
Astrakhan, Russia

PRECEDENT TEXT OF BELLETRISTIC LITERATURE IN THE CULTURAL MEMORY OF STUDENTS: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Abstract: The interdisciplinary research studies the precedent text of belletristic literature, incorporated into collective cultural lexicon of students. Integration of research methods of sociology and linguistics made it possible to identify a body of precedent texts, relevant to the young readers in cultural and cognitive aspects, to find out genre preferences and to determine the relevance of precedent texts in terms of their moral value, emotional and evaluative aspects. The data obtained in the sociological poll indicate a number of precedent texts in overall collection of fiction texts popular among students, however the body of precedent texts is characterized by fragmentariness, blurriness of boundaries between the core, periphery and non-precedent texts, which gives right to assert instability and incompleteness of the unified database of precedent texts in the collective memory of young readers. Verbal responses about emotional effects of a certain text attest to the ambivalence in collective assessments of precedent texts. The linguistic analysis revealed that some of these responses are characterized by unification in assessments, use of stereotyped statements regardless the work of literature assessed; however a number of responses demonstrate great diversity of means chosen by the respondents for verbalizing their assessments and emotional experience.

Keywords: precedent text, precedent phenomenon, precedent name, precedent utterance, belletristic literature, students, cultural memory, sociology, linguistics, sociological poll.

Information about the authors:

Nadezhda V. Dulina — DSc in History, Professor, Volgograd State Technical University, Leninsky av., 28, 400005 Volgograd, Russia. E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Ekaterina V. Kargapolova — DSc in Sociology, Associate Professor, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Tatischev St., 18, 414056 Astrakhan, Russia. E-mail: k474671@list.ru

Marina A. Simonenko — PhD in Philology, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Tatischev St., 18, 414056 Astrakhan, Russia. E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Received: November 13, 2016

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Guliaikhin V. N. Vkhozhdenie rossiiskoi molodezhi v obshchestvenno-pravovuiu zhizn': rol' pravovoi sotsializatsii [Entering of the Russian youth into social and legal life: the role of legal socialization]. *NB: Voprosy prava i politiki* [NB: Matters of law and policy]. Available at: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9698.html (accessed 13 August 2016). (In Russian)
- 2 Dulina N. V., Kargapolov S. V. Internet-kul'tura i identifikatsionnye praktiki lichnosti [The Internet culture and identification practices of the individual]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Dyl'novskie chteniia "Rossiiskaia identichnost': sostoianie i perspektivy"* [Materials of scientific-practical conference Dyl'nov readings "Russian identity: status and prospects"]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2015, pp. 30–33. (In Russian)
- 3 Dulina N. V., Kargapolov S. V. Kontsept elektronnoi kul'tury v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znaniia [The concept of electronic culture in the modern socio-humanitarian knowledge]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriiia "Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniia"* [The news of Volgograd state technical University. Series "Problems of humanities and social knowledge"]. Volgograd, Izdatel'stvo VolgGTU, 2015, vol. 20, no 10 (174), pp. 35–39. (In Russian)
- 4 Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 264 p. (In Russian)
- 5 Kargapolov S. V., Kargapolova E. V. Elektronnaia kul'tura v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Electronic culture in modern socio-cultural space]. *Aktual'nye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniia, molodezhi i upravleniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Relevant issues of sociology of culture, education, youth and management. Materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Anthology edited by Iu. R. Vishnevskii. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU Publ., 2016, pp. 475–480. (In Russian)
- 6 Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V. i dr. Kognitivnaia baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya*. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1997, series 9, no 3, pp. 62–75. (In Russian)
- 7 Malyshev V. B. *Fundamental'nye metafory v metaiazyke novoevropeiskoi kul'tury* [Fundamental metaphor in the metalanguage of modern European culture]. Abstract of the thesis for PhD in Philosophy. St. Petersburg, 2013. 33 p. (In Russian)
- 8 *Mentalitet i elektronnaia kul'tura sovremennoi molodezhi (opyt sotsiologicheskogo analiza): monografiia* [Mentality and electronic culture of today's youth (experience of the sociological analysis): monograph], A. Iu. Ariasova, N. V. Dulina, E. V. Kargapolova, S. V. Kargapolov. Anthology edited by N. V. Dulina. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2016. 175 p. (In Russian)
- 9 Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. Pretsedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov [Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia Seriiia. Seriiia Filologiya. Zhurnalistika*. Saratov, Izdatel'stvo SGU Publ., 2015, vol. 15, issue 2, pp. 17–23. (In Russian)

- 10 Prokhorov Iu. E. *Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 224 p. (In Russian)
- 11 Semenov V. E. Problemy vospitaniia rossiiskoi molodezhi i sredstva massovoi informatsii [Issues of education of the Russian youth and the media]. *Tsennostno-nravstvennye problemy rossiiskogo obshchestva: samorealizatsiia, vospitanie, sredstva massovoi informatsii* [Value-based and moral problems of Russian society: self-actualization, education, media]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2008, pp. 23–33. (In Russian)
- 12 Sorokin Iu. A., Gudkov D. B., Krasnykh V. V. i dr. Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnye fenomeny [The phenomenon of precedence and precedent phenomena]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sb. statei* [Language, consciousness, communication: collected articles]. Anthology general edited by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, Filologiya Publ., 1998, vol. 4, pp. 5–33. (In Russian)
- 13 Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic-cultural concepts of precedent texts in mind and discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p. (In Russian)
- 14 Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiia* [Linguocultural concepts and metaconcepts: monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 339 p. (In Russian)
- 15 Fedorova L. Iu. *Pretsedentnye fenomeny kul'tury v soznanii sovremennoi studencheskoi molodezhi: opyt sotsiokul'turnogo analiza* [Precedent phenomena of culture in the consciousness of contemporary student youth: experience of social and cultural analysis]. Abstract of the thesis for PhD in Sociology. Rostov na Donu, 2008. 22 p. (In Russian)
- 16 Shakhovskii V. I. *Kategorizatsiia emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme iazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 208 p. (In Russian)
- 17 Shelepova S. N. *Sotsiologicheskii analiz molodezhnykh kogort v regional'noi sotsiokul'turnoi real'nosti* [A sociological analysis of youth cohorts in the regional socio-cultural reality]. Abstract of the thesis for PhD in Sociology. Khabarovsk, 2012. 25 p. (In Russian)
- 18 Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: policedness, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 248 p. (In Russian)